

Title	Открытие I Государственной Думы : народы, регионы, власть
Author(s)	Циунчук, Рустем
Description	Research Notes
Citation	Acta Slavica Iaponica, 22, 310-323
Issue Date	2005
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/39452
Type	departmental bulletin paper
File Information	ASI22_014.pdf

- v pol'zu 'Edinoi Rossii:' vybory glav chetyrekh regionov vyigrala partiia vlasti," *Nezavisimaia gazeta*, 23 December 2003, http://www.ng.ru/regions/2003-12-23/4_er.html, accessed 23 December 2003.
- 42 *Hokkaidō Shimbun*, 8 May 1995, p. 4.
- 43 Ibid. Farkhutdinov preferred joint development of the islands to Japanese government assistance in the wake of the October 1994 earthquake.
- 44 *Hokkaidō Shimbun*, 19 October 1996, p. 5.
- 45 Ibid.
- 46 Robert W. Orttung et al., eds., *The Republics and Regions of the Russian Federation: A Guide to Politics, Policies, and Leaders* (Armonk, NY, and London, 2000), p. 479.
- 47 *Saharin to Nihon* 77 (1996), p. 1.
- 48 *Hokkaidō Shimbun*, 25 October 1996, p. 3.
- 49 Steven Solnick, "Russian Regional Politics and the 'Northern Territories'," paper presented for an international symposium, Miyazaki-Tokyo, November 1999, p. 3.
- 50 *Nezavisimaia gazeta*, 24 October 2000, p. 2.
- 51 See, for instance, G.B. Borovskoi, *Otnoshenie zhitelei Sakhalinskoi oblasti k Iaponii* 6 (Iuzhno-Sakhalinsk, 1995), p. 24; *Svobodnyi Sakhalin*, 7 May 1998, p. 1; *Iuzhno-Sakhalinskaia gazeta*, 13 July 2001, cited in *Saharin to Nihon* 237 (2001), p. 4.
- 52 "Parliamentary Hearing: Do Not Return Kurils to Japan," *The Sakhalin Times*, 11 October 2001, <http://www.sakhalintimes.com>, accessed 11 October 2001.
- 53 Sakhalinskaia oblastnaia дума, "Ustav Sakhalinskoi oblasti," <http://www.duma.sakhalin.ru/Russian/Ustav.html>, accessed 13 March 2003; V.K. Zilanov, A.A. Koshkin, I.A. Latyshev, A.Iu. Plotnikov and I.A. Senchenko, *Russkie Kurily: Istoriia i Sovremennost'* (Moscow, 2002), pp. 184-241.
- 54 See Brad Williams, "The Criminalisation of Russo-Japanese Border Trade: Causes and Consequences," *Europe-Asia Studies* 55:5 (2003).
- 55 Solnick, "Russian Regional Politics," p. 4. Similarly, regional authorities in Primorskii krai, in particular, have campaigned against demarcation of the eastern Russo-Chinese border in order to attract subsidies from Moscow. It should also be noted that some Japanese observers believe Sakhalin has also sought to use the territorial dispute to extract economic aid and cooperation from Japan. See *Hokkaidō Shimbun*, 8 November 1998, p. 1.
- 56 Peter Kirkow, *Russia's Provinces: Authoritarian Transformation versus Local Autonomy?* (London, 1998), p. 63.
- 57 Orttung et al., *The Republics and Regions*, p. 481; *Kyodo*, 23 July 1996.
- 58 Arai, "'Biza-nashi Kōryū'," p. 51.
- 59 *Sovetskii Sakhalin*, 2 April 1998, p. 1; *Gubernskie vedomosti*, 2 April 1998, p. 1.
- 60 Arai, "'Biza-nashi Kōryū'," p. 51.
- 61 Solnick, "Russian Regional Politics," p. 4.
- 62 Floriano Fossato, "Sakhalin: Waiting for Oil but Patience Running Out," *RFE/RL Newslines* (1998), <http://rferl.org/newslines>, accessed 20 August 2001.
- 63 Hiroshi Kimura, *Islands or Security? Japanese-Soviet Relations Under Brezhnev and Andropov* (Kyoto, 1998), pp. 19-20.

ОТКРЫТИЕ I ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ: НАРОДЫ, РЕГИОНЫ, ВЛАСТЬ

РУСТЕМ ЦИУНЧУК

В российской и особенно советской исторической литературе созданную в 1906 г. Государственную думу традиционно рассматривали только как арену противостояния классов и партий, нередко забывая, что она стала первым местом, где в качестве законодателей впервые встретились выборные представители почти всех народов и регионов Российской империи. Даже в многочисленных дореволюционных работах о I Думе (в основном, правда, публицистических и нередко с элементами мемуаристики) непосредственно национальной проблеме в первом россий-

ском парламенте посвящено всего две статьи, которые вышли из-под пера самих думских депутатов, наиболее активно выступавших по этому вопросу.¹ В опубликованных позднее исследованиях и сборниках, в которых были собраны материалы о развитии отдельных национальных движений в начале XX в., также не давалась обобщающая картина обсуждения этноконфессиональных проблем в Думе.² Участники и свидетели церемонии открытия Думы и начала ее деятельности в своих воспоминаниях обращали внимание прежде всего на разнообразие национальных

костюмов депутатов, но не ставили перед собой цели показать российский парламент с этноконфессиональной точки зрения.

Поскольку советские обществоведы вслед за большевиками расценивали Думу как второстепенную арену классовой и политической борьбы, не удивительно, что национальный вопрос в ней оказался на далекой периферии интересов историков, тем более что его главными проводниками выступали партии, официально признанные «контрреволюционными» и «соглашательскими». С 1960-1970-х гг. в Советском Союзе начали появляться статьи, посвященные думской тактике большевиков, представителей некоторых многонациональных регионов. Одновременно деятельность отдельных национальных фракций, в основном представлявших западные окраины империи, становится предметом интереса зарубежных специалистов.³ В 1990-е годы внимание исследователей новых государств на территории бывшего Советского Союза привлекает проблема думского представительства от этих регионов.⁴ В России наиболее обстоятельно сегодня разрабатываются проблемы истории двух думских фракций – мусульманской как этноконфессиональной⁵ и казачьей как этносословной.⁶ При этом опыт законоотворчества по национальному вопросу исследуется на материалах Думы как дореволюционного, так и современного периода.⁷

Задача настоящего сообщения состоит в том, чтобы показать, что первая Государственная дума многонациональной Российской империи приобрела этноконфессиональное и региональное измерения уже в начале своей деятельности, вычленив требования по национальному вопросу и проанализировать шаги национальных представителей в ее составе, наконец, показать реакцию на эти выступления власти и думского большинства.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ АСИММЕТРИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Еще в период подготовки правительственных законопроектов о Думе и Государственном совете в октябре 1905 г. их главный разработчик, С.Е. Крыжановский, высказывал опасения относительно нежелательно, как ему казалось, весомого пар-

ламентского представительства «иностранцев». «В России господствующая национальность, на которой стоит государство, составляет всего лишь около 66% общего количества населения, а чуждые народности достигают 34%...», – писал он председателю Особого совещания графу Д.М. Сольскому. – Интересы величайшей государственной важности настоятельно требуют поэтому, чтобы голос русского народа, на котором одним держатся и сила государственной власти, и самый престол российских государей, безусловно господствовал в законосовещательных учреждениях... В Думе может слагаться по вопросам, касающимся инородческих интересов, сильное и неудобное для правительства большинство».⁸ В результате Особое совещание графа Сольского решило устранить от участия в выборах «бродячих инородцев», а в Думу избирать только лиц, знающих русский язык.⁹

Вопрос об избирательных округах, их территории, плотности населения и этно-конфессиональном и социальном составе стал ключевым в политической географии выборов и способ, избранный властью для его решения, несколько переоформил политическое пространство империи. В окраинных национальных регионах были созданы отдельные избирательные округа: территориально-этнические (для «иностранцев» Казахстана, Средней Азии, Астраханской и Ставропольской губерний и Забайкалья), территориально-конфессиональные (для православного населения Люблинской и Седлецкой губерний Царства Польского) и территориально-сословные (для казаков).

На запаздывание власти в конструировании избирательной системы и ее стремление манипулировать с представительством окраин указывает и принятие «вдогонку» – в течение девяти месяцев 1905-1906 г. – девяти региональных правил о выборах в Польше, в Сибири и на Дальнем Востоке, на Кавказе, в Степном крае и Туркестане. Последние из этих правил были обнародованы лишь за несколько дней до открытия Думы – 22 апреля 1906 г. Для перечисленных регионов были введены более низкие нормы представительства – один депутат от 350 тыс. жителей и более при норме представительства от центральных губерний в 250 тыс.

В реальности эти нормы могли разниться и кратно. Так, если в Олонецкой губернии один депутат избирался от 121,3 тыс. человек, то в Ферганской области – от 786,1 тыс. Региональная асимметрия избирательной системы была еще более заметна по городским округам. Первоначально право отдельных выборов депутатов получили 19 городов империи с числом жителей более 100 тысяч, однако две трети из них (Варшава, Одесса, Лодзь, Рига, Киев, Харьков, Тифлис, Ташкент, Вильно, Казань, Екатеринослав, Баку и Кишинев, всего – 13) отличались многонациональным составом населения. Выход был найден в том, чтобы увеличить этот список до 26-ти, что позволило включить в него «некоторые чисто русские города, близко подходящие по численности к помещенным в этом списке».¹⁰ Отбор этих городов был весьма произвольным. Так, из числа городов, численность жителей которых была выше, чем в получившем отдельное представительство Орле (69,7 тыс.), не получили права избирать своего депутата многонациональные Минск, Николаев, Коканд, Оренбург и Ковно. Самая высокая в империи норма представительства оказалась у Иркутска (51 тыс.), а самая низкая – у Одессы (403,8 тыс. на одного депутата). Заниженную почти вдвое норму представительства, или более 200 тыс. жителей на одного депутата, получили Рига, Киев, Москва и Петербург, а Варшава и Лодзь – втрое.

ВЛАСТЬ И НАРОДНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ: ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Созданная бюрократией система социальной и этнополитической фильтрации выборщиков и кандидатов в депутаты оказалась, однако, недостаточно эффективной. «Результаты выборов в первую Государственную думу были почти для всех полною неожиданностью»,¹¹ – отмечал видный социал-демократ Ф.И. Дан. В Думу оказались избраны представители 24 народов общим числом почти в 200 человек, что составляло свыше 40% всего депутатского корпуса. Среди избранных оказалось 62 украинца, 51 поляк, 13 евреев, 12 белорусов, 10 литовцев, по 7 татар и грузин и т.д.¹² Почти все нерусские депутаты были настроены оппозиционно к власти и политически располагались

левее центра. Имея такой состав, Дума неизбежно должна была обратиться к решению одной из самых острых проблем российской действительности начала XX в. – к вопросу переустройства национальной жизни.

Уже само официальное открытие Думы 27 апреля 1906 г. символизировало появление на российской политической авансцене новых фигур, которые представляли различные политические течения и национальные группы. Последовав примеру германского императора, царь решил принять депутатов в Тронном зале своего (Зимнего) дворца.¹³ Центральной фигурой церемонии, безусловно, являлся сам император, заглавные роли в ней играли высшие представители церкви (митрополит Антоний) и двора (министр барон В.Б. Фредерикс), среди рядовых участников была широко представлена традиционная имперская элита. Но самыми заметными оказались не они, а новые люди, пришедшие во власть, – депутаты, избранные практически от всех регионов многонациональной империи, которые принесли с собой новые образы и стили поведения. Присутствовавший в зале барон Н.Н. Врангель так описывал увиденное: «Какая смесь одежды и лиц. Поляки в кунтушах, восточные халаты и чалмы, священники, каких в городах не видать, дерзкие развязные волостные писари из разночинцев, сельские учителя, самоуверенные интеллигенты; крестьяне, удивленные сами видеть себя в роли законодателей... Многие депутаты явились демонстративно одетые в затрапезные платья».¹⁴

Костромской депутат адвокат Н.А. Огородников оставил следующие зарисовки с натуры: «Красивым национальным мазурским костюмом и своей сильной фигурой обращает на себя общее внимание молодой люблинский депутат И.М. Наконечный. Значительное количество крестьянских депутатов в малорусских свитках и в русском национальном платье... Небольшие группы православного духовенства с производящим впечатление силы и мужественности молодым депутатом от Донской области о. Клавдием Афанасьевым впереди и католического духовенства во главе с виленским депутатом епископом бар. Роппом в живописной малиновой сутане, с его тонким

умным лицом аскета и всегда как бы прищуренными проницательными глазами».¹⁵

Министра В.Н. Коковцова поразили человек «высокого роста в рабочей блузе, в высоких смазных сапогах, с насмешливым и наглым видом рассматривавший трон и всех, кто окружал его», и слушавший царскую речь с «презрением и злобой». Им оказался волостной писарь от Ставропольской губернии Ф.М. Оникко. П.А. Столыпин, тоже обративший внимание на Оникко, заметил В.Н. Коковцову: «Нет ли у этого человека бомбы и не произойдет ли тут несчастия?».¹⁶ Внешность и поведение «новых людей», пришедших во власть, были восприняты при дворе как вызов. По свидетельству того же барона Врангеля, императрица, «повясенная подобными выходками, не сдержала слез, а Николай II, не сдержав гнева, заявил: “Я им этого никогда не забуду!”».¹⁷

Стало ясно, что эти, впервые избранные народные представители, пришли в Таврический дворец вовсе не для того, чтобы разнообразить вид придворных своим присутствием, а с намерением переустроить страну, изменить существующие порядки, реализовать свои предвыборные программы и обещания. Другой участник описанной церемонии, будущий министр иностранных дел А.П. Извольский, в этой связи отметил: «Россия вчерашнего дня лицом к лицу стояла с грядущей Россией. Какой результат последует от этой встречи?».¹⁸

Выступление Николая II было кратким. Назвав выборных «лучшими людьми» от «возлюбленных подданных», он заявил, что «всевышним промыслом врученное мне попечение о благе отечества побудило меня призвать к содействию в законодательной работе выборных от народа», и указал, что «для духовного величия и благоденствия государства необходима не одна свобода – необходим порядок на основе права».¹⁹ Упомянуть о национальных, религиозных и региональных проблемах император, таким образом, счел излишним.

Первая демонстрация позиций стон по проблемам национальных, религиозных и региональных отношений в империи произошла уже в «дебюте» работы Думы, 27 апреля 1906 г. Впоследствии эти проблемы явились пово-

дом для острого политического противоборства и стали фактором идеологического и партийно-политического размежевания в Думе. Открывая по заданию императора заседания парламента и обращаясь к «избранныкам русского народа», статс-секретарь Э.В. Фриш, «небольшого роста, седой как лунь старик в блеске своих лент и орденов»,²⁰ подчеркнул, что «господа депутаты» «поставлены в полную возможность дружно работать» законом об учреждении Государственной думы и «всемиловитейшим государем нашим». «Да воодушевит вас Господь истинною любовью к русскому народу, дабы сердцами вашими познать все многообразные нужды обширной нашей родины»,²¹ – заявил он в заключении. Так в Думе были оглашены фундаментальные составляющие государственной идеологической конструкции – государь, Бог, Родина, русский народ.

Подобная формулировка была близка официальной терминологии конца XIX в. и, как видим, не содержала в себе даже упоминания об этноконфессиональных проблемах, наличие которых было отчасти признано еще императорским указом 12 декабря 1904 г., и соответствующей терминологии: терпимости в делах веры, устранения стеснений в религиозном быту, отмену ограничений прав «инородцев» и уроженцев отдельных местностей империи.²² Царской бюрократии казалось, что в интересах сохранения империи лишнее раз указывать на эти острые проблемы не следует. Если они Фришем и подразумевались, то только в контексте упомянутых традиционных формулировок – «русский народ» (единая нация, состоящая из великороссов, малороссов и белорусов) и «обширная родина» (общее имперское пространство), имеющая некие «многообразные нужды» – возможно, региональные.

В комиссию для выборов председателя Думы были избраны известные общественные деятели, представлявшие элиты разных народов и регионов: князь Д.И. Шаховской, В.Д. Кузьмин-Караваев, граф П.А. Гейден, В.Д. Набоков (Ярославская, Тверская, Псковская губернии и Петербург), епископ барон Э. фон-дер-Ропп и князь И. Друцкой-Любецкой (Виленская и Минская губернии). Председателем Думы оказался избран деятель земского движения и видный

представитель кадетской партии, профессор права Московского университета С.А. Муромцев. По мнению современников, «едва ли можно было найти более подходящего человека для этой роли».²³

ПРИВЕТСТВИЯ ДУМЕ: ПРЕЗЕНТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Следующее заседание Думы 29 апреля 1906 г. началось с чтения поздравительных и приветственных телеграмм, в которых ярко отразились национальные, конфессиональные и региональные процессы и проблемы как собственно российские, так и международные. Анализ состава и содержания приветствий первой Государственной думе позволяет выявить тенденции в восприятии первого общеимперского представительного органа внутри России и за ее пределами, обозначить страны, общественность которых солидаризировалась с депутатами российского парламента, выявить этноконфессиональные силы, общественные слои и группы различных регионов России, которые делегировали свои интересы депутатам и возлагали на Думу определенные ожидания.

Первым прозвучало переведенное на русский язык приветствие финляндского Сейма, в оригинале написанное на финском и шведском языках: «За многовековую жизнь... финский народ научился понимать значение права через своих представителей участвовать в законодательстве... Светлое будущее, открывающееся для великой русской земли, вызывает в нашем народе чувство искренней радости; вместе с тем, финский народ видит в этом будущем, при возрастающих взаимнодобрых отношениях с русским народом, верный залог успеха и в собственных трудах, направленных на пользу его дорогого отечества, соединенного с Россией под одним скипетром».²⁴ В документе подчеркивался особый статус Финляндии и ее собственный политический опыт. Приветствие подразумевало, что финны не входят в состав русского народа и Финляндия связана с Россией только единым скипетром как символом общей монархической власти. Становилось очевидным, что финляндский Сейм не воспользуется возможностью для представительства Финляндии в

общеимперском парламенте. Фактически финляндское приветствие прозвучало как иностранное и открыло чтение телеграмм, полученных из-за рубежа.²⁵

«326 членов старейшего парламента в свете приветствуют членов самого юного русского парламента и надеются встретиться с его представителями в имеющей состояться Междупарламентской конференции в Вестминстерском дворце»,²⁶ – телеграфировали из Лондона. Саратовский трудовик И.В. Жилкин, выступая в поддержку идеи такой конференции, ожидал от нее «мирного разрешения» международных конфликтов, ослабления «различных поводов ненависти одного народа к другому..., когда представители всех национальностей подадут друг другу руки..., когда будут придавать значение... дружескому союзу народных представителей».²⁷ Для участия в Межпарламентской конференции были избраны шестеро депутатов преимущественно из национальных регионов.²⁸

В ряде других приветствий Думе, полученных из-за рубежа (от черногорского князя Николая, Пражской городской думы, Чешского народного Совета в той же Праге, от Общества сербских журналистов, Плевненской демократической организации, Славянского общества болгар, Словенского союза державного сбора и от Съезда мужей доверия русско-народной партии во Львове²⁹), акцентировалась панславянская идея, популярная в странах Восточной Европы, и звучали термины «славянство», «славянский мир», «великая славянская семья», «покровительница славянства», «святая Русь» и т.д. С началом политической модернизации Российской империи славянские народы, входившие в состав Германской и Австро-Венгерской империй, воспринимали обновленную Россию как фактор славянского возрождения и противовеса пангерманской опасности. Теперь славянская идея могла наполниться новым политическим содержанием. Нужно отметить, что опыт этих народов, представители которых участвовали в работе имперских и региональных парламентских учреждений, также мог быть полезен российским переводумцам. Наиболее наглядно это продемонстрировали польские депутаты, позаимствовавшие из австро-венгерс-

кого и германского парламентов как организацию парламентской деятельности, так и само название своей фракции – Кою.

Идея христианской общности и связи с Россией звучала в приветствии армянского католикоса, который в «день вступления великой России в семью конституционных государств молитвенно приветствовал Государственную думу от имени своего и церкви и всего народа армянского, неразрывными узами связавших свою судьбу с великим русским народом».³⁰

Огромное количество приветствий Думе и ее депутатам пришло со всех концов России, что одновременно являлось как свидетельством ее (Думы) политической поддержки, так и знаком общественных надежд. География приветствий отражала этнополитическую ситуацию в регионах империи. Продолжая заседание 29 апреля 1906 г., председатель Думы Муромцев заявил, что он зачитает приветствия «от трех главных городов России», которыми оказались обращения, полученные из Москвы, Киева и Одессы (хотя обыкновенно такими городами считались Петербург, Москва и Киев). В телеграмме Московской городской думы говорилось, что «древняя Москва... полна веры, что великий подвиг, принятый на себя представителями народа, одухотворенный горячей любовью к России, внесет в страну мир и будет оплотом торжества законности и свободной гражданственности». Традиционалистски и помпезно звучало приветствие из Киева: «Граждане древней столицы Русской земли, молитвенно призвав Божие благословение, приветствуют Государственную думу с началом ее деятельности и шлют горячие пожелания плодотворной работы в выполнении великих задач, на нее возложенных, на благо и процветание русского государства».³¹ В то время, когда Москва и Киев подчеркивали свою древность, причем киевляне выделяли как главные задачи благо и процветание государства, Одесская городская дума фактически солидаризировалась с оппозицией и желала народным избранникам «сил и крепости для осуществления заветных стремлений народа», надеясь, что «семена, брошенные на ниву освобождения страдальцами и мучениками за благо народа, будут взлелеяны и с непоколеби-

мой твердостью возвращены на счастье и процветание родины».³²

Чтением поздравлений сопровождалось еще несколько последующих заседаний Государственной думы, что придавало им не только торжественность, но и вносило свою лепту в политическую самоидентификацию депутатов, помогало им консолидироваться вокруг пожеланий и требований, которые звучали в приветствиях. Сообщения о торжественном оглашении в Думе этих посланий быстро доходили до губерний, городов и сел и способствовали как распространению передовых идей на местах, так и развитию местной политической жизни, налаживанию контактов с Думой. Так с первых дней своей работы Дума способствовала консолидации и оглашению национальных и региональных интересов.

Дума получила приветствия от высших учебных заведений: Московского, Казанского, Новороссийского, Петербургского, Харьковского и Киевского университетов, Лазаревского института восточных языков, Московского технического училища, Московских высших женских курсов, Киевского политического института, Военно-медицинской академии, Томского технологического института. Немалая часть депутатов окончила эти высшие учебные заведения, поэтому их обращения были встречены ими с особым удовлетворением.

В течение первых же дней своей работы Дума получила свыше 650 посланий, среди которых было много телеграмм и писем от городских дум, губернских и уездных земств, от национальных и религиозных объединений, местных комитетов политических партий, от организаций и союзов и просто групп граждан. В этой активности проявился рост политической инициативы общественности. В самих приветствиях были сформулированы ожидания избирателей большинства регионов империи, в том числе национальных – Украины и Белоруссии, Поволжья и Северного Кавказа; заметно меньше обращений было получено из Прибалтики, с Кавказа, из Средней Азии и Польши. Свои приветствия Думе направляли жители многонациональных городов восточной части империи – Асхабада, Семипалатинска, Белебея и др.

В подавляющем большинстве посланий получили отражение общеполитические и социальные проблемы России. Наибольшее число партийных приветствий было получено от местных комитетов партии Народной свободы, несколько телеграмм направили местные отделы Союза 17 октября, а также близкие им немецкая Прибалтийская конституционная партия, Конституционно-демократическая партия грузинских автономистов, Польский прогрессивно-демократический союз и ряд местных отделов Союза для достижения полноправия евреев в России. Почти треть приветствий составили телеграммы и письма от еврейских общин и обществ западных губерний и Бессарабии – городов Брест-Литовска, Пружан, Екатеринослава, Бобруйска, Киева, Гомеля, Несвижа, Бендер, Херсона и др., а также от Владимирской городской еврейской общины, Сибирского и Новгородского еврейских обществ.³³

Кроме того в адрес Думы поступило свыше сорока поздравительных обращений от различных религиозных объединений,³⁴ особенно православного духовенства и верующих – от хоругвеносцев астраханского Успенского собора, съезда духовенства Ставропольской епархии, духовенства 3-го округа Сызранского уезда Симбирской епархии, духовенства Астрахани, Семипалатинска, прихода села Мармыжей, от столичных псаломщиков, студентов Киевской духовной академии, группы московских псаломщиков, Романовского церковно-приходского общества, русских людей г. Холма Люблинской губернии. Большинство этих обращений подчеркивало роль православной церкви в государстве. Православные г. Холма высказывали удовлетворение в связи с созданием для них отдельного избирательного округа.

Семь приветствий было получено от мусульман-жителей разных волостей и уездов Казанской и Уфимской губерний и мусульманского населения Астрахани, Семипалатинска и Баку. Думу приветствовали Всероссийский съезд представителей старообрядческих обществ и Екатеринбургское и Егорьевское старообрядческие общества. Два обращения направили молокане (из Саратовской губ. и Владикавказа), по одному – буддисты Забайкальской области, поляки Владивостока и армяне Харькова.

Обращения представителей инославных и иноверных конфессий заостряли внимание депутатов на фактах национально-религиозного неравенства и свидетельствовали о надеждах части национальной общественности на возможность разрешить эти вопросы парламентским путем. Количество таких обращений отражало как остроту этноконфессиональных проблем в национальных регионах, так и, в не малой мере, степень политической организованности и мобилизации национальных групп избирателей.

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ АМНИСТИИ

О политических репрессиях, тюрьме и ссылке не понаслышке знали многие десятки членов I Думы, сами подвергавшиеся политическим преследованиям. Так, харьковский профессор Н.А. Гредескул, саратовский учитель Г.К. Ульянов, симбирский крестьянин А.П. Андреянов, кутаисский педагог И.И. Рамишвили, семипалатинский агроном А.Н. Букейханов были освобождены из-под ареста лишь благодаря их избранию в Думу.³⁵ Вопрос об амнистии поставил при открытии Думы один из лидеров кадетов И.И. Петрункевич. На втором заседании 29 апреля «первый тенор партии Народной свободы» Ф.И. Родичев предложил включить в думский адрес императору «указание на безусловную необходимость объявления ныне же полной амнистии по всем делам религиозным, аграрным и политическим».³⁶ Как видим, вопрос об амнистии по религиозным делам был поставлен кадетами на первое место.

По просьбе депутатов Думы были зачитаны и встречены аплодисментами телеграммы от политических заключенных Читинской и Новозыбковской (Черниговской губ.) тюрем, от политических ссыльных Каргополя (Олонецкой губ.) и родственников «административных политических заключенных» села Андрияшевки Полтавской губернии.³⁷ Проблема амнистии имела важное значение для национальных регионов. При обсуждении этого вопроса выступили депутаты от Поволжья (Аникин, Жилкин, Аладьин, Ершов – Саратовская, Симбирская, Казанская губернии), Украины (Заболотный, Михайличенко – Подольская, Екатеринославская губернии; Гредескул – Харьков), Польши (Но-

водворский – Варшава), Европейской России (Галецкий, Шапошников – Архангельская, Курская губернии), Приуралья (Седельников, Антонов – Оренбургская, Пермская губернии). Украинский депутат-трудолик И.К. Заболотный предложил приостановить исполнение казней до выработки и издания закона об отмене этой меры наказания. Депутат от Варшавы адвокат Ф. Новодворский, начав свою речь словами: «Граждане! Представители граждан всего государства!», обратил внимание на выступления депутатов разных губерний, в которых, по его словам, были «волны слез, волны крови, вихри воплей человеческих, которые полились со всех сторон всего государства в этот зал». Царство Польское, отметил он, слышит их так же много, поскольку «там военное положение почти сплошь существует столь долгие годы».³⁸ Выступление Новодворского отражало мнение той части польского национально-го движения, которая видела решение польской проблемы в контексте широкой демократизации всего Российского государства и рассчитывала на сотрудничество с российскими либеральными партиями.

Журналист Т.И. Седельников (Оренбургская губ.), поддерживая идею амнистии, обратил внимание Думы на «казачий вопрос», который остро проявился в период революции 1905 г. Депутат осудил существующий строй, который «вооружал одни слои населения против других, и наше казачество оказалось одним из таких слоев, которое, являясь верноподданным своему монарху, оказалось врагом своему народу». Он предложил сделать так, чтобы казаки стали обычными гражданами, и чтобы «не было братоубийственного сословия казачьего, как сословия военного, отделенного китайской стеной от остальных», а все казаки, несущие внутреннюю службу, вернулись домой.³⁹ Так «казачий вопрос» прозвучал в думских стенах раньше других этноконфессиональных и региональных проблем. Однако, как показали последующие события, эта речь трудолика Седельникова вызвала недовольство «истинных казаков» – он стал получать от них угрозы и настойчивые предложения «добровольно» сложить с себя звание члена Думы.⁴⁰

Депутаты единогласно приняли ре-

шение, во-первых, «не предпреляя содержания адреса, возложить на комиссию непременною обязанность объявления ныне же полной амнистии по всем делам религиозным, аграрным, политическим» и, во-вторых, «внести указание на безусловную необходимость ныне же приостановки смертной казни по всем делам...», пока не будет окончательно и раз навсегда отменена смертная казнь в России».⁴¹ Так уже в первые дни работы Думы в борьбе за амнистию проявилась острота национальных проблем империи.

ОБРАЗОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ФРАКЦИЙ

Национальные депутаты приняли участие не только в формулировке проблематики думских дебатов, но и определили некоторые тенденции думского фракционного строительства. Депутат-публицист В.П. Обнинский в этой связи писал: «Съехавшись в числе пятисот почти человек..., депутаты должны были в первый же день заметить, что вот там сидит «польское Кою», рядом с ним – литовские депутаты, украинцы теснятся к южанам, тубетейки татар виднеются рядом с характерными профилями представителей восточной окраины, чернокурые кавказцы плотно засели на крайней левой, и, наконец, обширный центр России, с ее двумя столицами, занял и здесь всю середину залы. Настоящая этнографическая карта России!... Это был вид имперского парламента автономно-конституционного государства; здесь, кроме общегосударственного дела и даже доминируя над ним, хотя пока и в скрытой форме, владели умами интересы местные, областные, национальные... Потом, когда разместились по партиям, эта группировка совершенно нарушилась, но первое впечатление не могло изгладиться».⁴²

Одна группа национальных депутатов, прошедшая в Думу под национальными партийными лозунгами, сразу же конституировалась в отдельные национальные фракции в соответствии с тактическими установками своих партий (например, польское Кою). Другая хотя в ходе думского процесса и формулировала национальные, религиозные и региональные требования, поначалу находилась в составе фрак-

ций общероссийских политических партий и лишь со временем образовала собственные думские национальные (региональные или конфессиональные) объединения, примыкавшие по большинству вопросов к общероссийским партиям (таковы мусульманская фракция и казачья группа). Третья группа национальных депутатов, которая лишь время от времени поднимала национально-конфессиональные и региональные вопросы, рассматривая их при этом как подчиненные общим социально-политическим проблемам, входила в состав думских фракций крупных общероссийских партий (это – грузинские, эстонские и другие депутаты). Поскольку в большинстве депутатских группировок существовала возможность двойного членства, некоторые депутаты примыкали к разным фракциям, практиковался и их переход из одной фракции в другую. В связи с этим численность фракций, в том числе национальных, была непостоянной, на что в свое время обратил внимание депутат I Думы и один из ее первых историков Н.А. Бородин.⁴³

Первой национальной фракцией, организованной еще до открытия заседаний Думы, стало польское Кою, абсолютное большинство членов которого составили депутаты от Национально-демократической партии. К 30 мая 1906 г. эта фракция насчитывала 33 члена, председателем ее бюро был избран Я. Гарусевич, а секретарем – Ф. Новодворский.⁴⁴

Стремясь объединиться для совместного выдвижения национально-конфессиональных и региональных требований и рассчитывая на консолидированную законодательную деятельность, направленную на установление национально-религиозного равноправия и достижение национального самоуправления, национальные депутаты создали в I Думе особую фракцию – Союз автономистов. Руководителем автономистов-федералистов стал известный московский адвокат, деятель польского движения в России, один из организаторов польского Прогрессивно-демократического союза минский депутат А.Р. Ледницкий, член ЦК партии кадетов. К началу июля 1906 г. группа насчитывала около 120 членов, из которых 63 были автономистами, причем не входившими в состав других думских фрак-

ций.⁴⁵ К середине мая в этой группировке были представлены: польское Кою (31 депутат), группа северо-западных и юго-западных окраин (12), литовский кружок (5), украинские демократы (5), латышские национал-демократы (5), казачья группа (1) и мусульмане (3 депутата).⁴⁶ Позднее численность членов многих национальных групп увеличилась. Так, после выборов на восточных окраинах империи количество депутатов-мусульман возросло до 25-ти, которые незадолго до роспуска Думы составили самостоятельную фракцию.⁴⁷ В первом ее собрании приняли участие 22 депутата, председателем фракции стал адвокат А.-М. Топчибашев (Баку), а секретарем – С.-Г.С. Джантюрин (Уфимская губ.); в бюро фракции вошло 7 человек.⁴⁸

Таким образом, в непродолжительный период перводумья в парламентской деятельности национальных депутатов проявилось несколько тенденций. С одной стороны, они стремились к образованию самостоятельных национальных групп, с другой – чувствовали потребность в консолидации с другими, нерусскими депутатами, а с третьей понимали необходимость блокироваться с крупными общероссийскими фракциями для проведения думских решений.

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ХОДЕ ОБСУЖДЕНИЯ ОТВЕТНОГО АДРЕСА ИМПЕРАТОРУ

Ответный адрес верховной власти должен был представлять собой декларацию о политических намерениях большинства первоизбранной Думы. При его обсуждении депутаты национальных регионов стремились заявить этноконфессиональные требования своих избирателей, сформулировать политические позиции и предложения в сфере национальных и религиозных отношений, донести до депутатов и всей страны личный политический опыт и оценки состояния межнациональных отношений в регионах Российской империи. Важно, что комиссия по выработке адреса, избранная 30 апреля 1906 г., оказалась многонациональной по составу. Среди 33-х ее членов были русские (в том числе И.И. Петрункевич, Ф.Ф. Кокошкин, В.Д. Набоков, Н.Н. Львов), поляки (Я. Стецкий, князь И.

Друцкой-Любецкой, граф В. Тышкевич), украинцы (Т.В. Локоть, Д.И. Назаренко, В.М. Шемет), евреи (М.М. Винавер, З.Г. Френкель, М.И. Шефтель), а также белорус Ф.Е. Буслов, литовец Л. Лопас, латыш Я. Чаксте, эстонец Я. Теннисон, башкир Ш.Ш. Сыртланов и мордвин С.В. Аникин.⁴⁹

Первым в Думе с изложением своей национальной программы выступило польское Кою. Как известно, польский вопрос как часть общероссийской проблемы «инородцев» занимал в ней особое место в силу целого ряда причин. В их числе был и сравнительно более высокий уровень социально-экономического и политического развития губерний бывшего Царства Польского, и сохранение исторических традиций самостоятельной польской государственности и борьбы поляков за восстановление своей автономии. 30 апреля 1906 г. на третьем заседании Думы врач Я. Гарусевич (Ломжинская губ.) вне очереди огласил заявление 27 польских депутатов и передал его в комиссию по составлению ответного адреса императору. В представленной одновременно записке польские депутаты аргументировали необходимость восстановления прав и автономии Польши исторически, политически и юридически и называли его «заветным требованием всего населения нашего края».⁵⁰ Они протестовали против политики упразднения польской автономии, которая проявилась в отмене польской конституции и самоуправления и в устранении самого названия «Царство Польское».

Еще накануне созыва Думы победившая на выборах в регионе польская Национально-демократическая партия специально подтвердила свои программные лозунги, среди которых значились: борьба за достижение автономии и введение законодательного сейма и органов местного самоуправления, полонизация местной администрации, школы, суда и городского самоуправления. Следуя этим программным положениям, польское Кою заявило, что устранение названия Царства Польского из новой редакции Основных законов 23 апреля 1906 г. является «попыткой изъять, по формальным основаниям, из обсуждения Государственной думы существенный и назревший вопрос о восстановлении надлежащих прав нашего края».⁵¹ Записка, как и после-

довавшее выступление Ф. Новодворского, отражала стремление большинства депутатов польских губерний совместно с представителями всех народов империи бороться в Государственной думе за свои права и «за общую свободу».⁵² Таким образом, наиболее крупная и организованная национальная фракция предлагала Думе обратиться к детальному рассмотрению национального вопроса, включая требование национальной автономии, сразу вслед за разрешением неотложных политических вопросов об амнистии и отмене смертной казни, введении гражданского равноправия и демократических свобод. Характерно, что декларация поляков вызвала неудовольствие кадетского руководства, особенно в связи с их ссылками на нормы международного права.⁵³

Ледницкий, выступая с первым программным заявлением автономистов, горячо и образно говорил о положении на национальных окраинах империи: о Царстве Польском, «задыхающемся в атмосфере пороха», о Грузии и Кавказе, «горы и долины которых увлажнены кровью и слезами», о Лифляндии, Эстляндии и Литве, «изнемогающих в тисках карательных отрядов», о «национально-обезличенной Украине», о Мусульманском съезде, поднимающем свой голос в защиту политических прав народов Востока России.⁵⁴ Этим же сюжетам было посвящена речь члена группы автономистов барона Роппа, который, по словам современников, также «являлся оратором первого ранга».⁵⁵ При обсуждении ответа на тронную речь и призывая депутатов к солидарности на основе общих религиозно-нравственных принципов, он говорил: «Бог с самого начала при сотворении мира дал миру конституцию... из 10 заповедей» и отмечал, что признает справедливыми «движения к равноправию и к сплоченности отдельных классов, точно так же, как и отдельных национальностей».⁵⁶ Другой автономист, латышский ксендз Франц Трасун, возвращаясь к вопросу об амнистии, рассказывал о жестокостях карательных отрядов в Витебской губернии, откуда он был избран, где «кровью обливаются крестьяне». Он предложил включить в думский адрес требование «о немедленном отзывании всех карательных отрядов и об отмене военного положе-

ния».⁵⁷ Минский депутат-автономист князь И. Друцкой-Любецкой сообщил, что в его родном городе 17 октября пролились «потoki крови», а в губернии, как и во всем Северо-Западном крае, «применялись всякого рода исключительные меры..., водворилось полное царствование бюрократизма».⁵⁸ Профессор Е.Н. Шепкин (Одесса) заявил, что нельзя «допустить, чтобы все нерусские народности, входящие в состав Российской империи, продолжали жить под страхом погромов и карательных набегов».⁵⁹

При обсуждении адреса члены группы автономистов специально подчеркивали необходимость учета этноконфессиональных и региональных особенностей Российской империи. Депутат от Волыни Щ. Понятовский справедливо указывал: «Россия громадна; условия в ней – самые разнообразные; местные условия надо знать и изучить, нужно понять желания населения, издать законы, соответствующие этим желаниям».⁶⁰

Многие деятели национальных групп Думы рассчитывали на сотрудничество с общероссийскими оппозиционными силами для достижения национального равноправия и местного самоуправления. Ледницкий доказывал возможность и необходимость таких преобразований в интересах новой демократической государственности: «Справедливое стремление отдельных областей в предоставлении им полной свободы в организации самостоятельного народного быта, в организации его на началах автономии и автономного самоуправления... направлено не к подрыву основ русского государства, а... создает органическую и могущественную связь отдельных единиц в одно общее целое».⁶¹ Но решение национального вопроса посредством национально-территориальной автономии и самоуправления входило в противоречие с идеями государственности, понимаемыми по-имперски. На это расхождение обратил внимание саратовский депутат кадет С.А. Котляревский. «Самое роковое, – говорил он, – это утрата идеи государственности... Политическое прошлое скомпрометировало идею государственности, приучило к мысли, что от государства можно ждать только насилий и угнетений, что лишь на почве борьбы со всем государством, вопреки ему, можно чего-либо достиг-

нуть».⁶² В ходе дебатов историк кадет Н.И. Кареев предложил внести в адрес указание на то, что Россия населена разными народами, которые имеют «свои» территории и «свои» земли, но это предложение было отвергнуто Думой.⁶³ Сам же Кареев был убежден, что «Россия должна предоставить всем народам, ее населяющим, полную свободу своего национального самоопределения».⁶⁴ Однако даже в глазах тех депутатов, которые причисляли себя к оппозиционно-демократическим фракциям, идея введения в России национальной автономии выглядела рискованной.

Ответный адрес, разработанный при ведущем участии кадетов, сформулировал национальный вопрос в весьма общих и умеренных выражениях. «Государственная дума считает, наконец, необходимым указать в числе неотложных задач своих и решение вопроса об удовлетворении давно назревших требований отдельных национальностей, – говорилось в нем. – Россия представляет собой государство, населенное многоразличными племенами и народностями. Духовное объединение всех этих племен и народностей возможно только при удовлетворении потребности каждого из них сохранять и развивать своеобразие в отдельных сторонах быта. Государственная дума озабочена широким удовлетворением этих справедливых нужд».⁶⁵ Хотя в адресе отмечалось стремление депутатов добиваться отмены ограничений, связанных с национальным происхождением, сформировать государственный порядок, основанный на принципах мирного сожительства всех народностей и классов, а также введения всеобщих выборов в Думу, способы достижения этих целей так и не были указаны. Политику кадетского большинства, на которое национальные фракции возлагали большие надежды, позднее отчасти разъяснил П.Н. Милюков: «Вопросы национальные сами по себе грозили осложнить вопросы социальные и конституционные, составлявшие нашу главную задачу. Разница желаний и требований различных национальностей слилась бы в общие формулы: я уже понимал, что это есть способ к повышению требований наименее готовых к “автономии” народностей».⁶⁶

Таким образом, уже при открытии I Думы, которая оказалась многонацио-

нальной, со всей очевидностью проявились этноконфессиональные и региональные конфликты Российской империи. В ходе первых же думских дебатов были обозначены проблемы Польши, Кавказа, Прибалтики, Украины, Белоруссии и мусульманских регионов. Настроения и ожидания «иностранцев» проявились в их многочисленных обращениях в Думу, в первых же выступлениях с думской трибуны по национальному и вероисповедному вопросам, при обсуждении депутатами ответного адреса царю и вопроса об амнистии, в принципах формирования думских комиссий, наконец, в образовании национальных фракций и в том числе фракции автономистов, которые выступали за децентрализацию империи. Но властью все эти проблемы фактически были проигнорированы. Кадеты, которые обеспечили себе большинство депутатских мест в значительной мере благодаря голосам избирателей национальных окраин и выступлению в блоке с национальными организациями, не выставили национальные и региональные проблемы в качестве первоочередных.

Тем не менее, национальный вопрос оказался в числе важнейших и постоянно присутствовавших в парламентских прениях с первого и до последнего дня существования Государственной думы, тем самым обозначая одну из заметных линий все более усиливавшегося политического разлома самодержавной имперской системы. В 1916 г. в связи с десятилетием I Государственной думы переводумец профессор Н.А. Гредескул так охарактеризовал ее историческое значение: «Русское освободительное движение и выросшая из него первая Дума навсегда останутся прочным фундаментом для дальнейшего развития России не только в политическом, но и в национальном отношении».⁶⁷

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: Ледницкий А. Национальный вопрос в Государственной думе // Первая Государственная дума. Вып. I. Политическое значение первой Думы. Сб. статей. СПб., 1907. С. 154-167; Гредескул Н. Национальный вопрос в первой Думе // К 10-летию I-ой Государственной думы. 27 апреля 1906 – 27 апреля 1916. Сб. ст. переводумцев. Пг., 1916. С. 76-88.

2 См., напр.: Залевский К. Национальные партии в России // Общественное движение в России в начале XX-го века / Под ред. А. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. III. Кн. 5. СПб., 1914. С. 225-344; Формы национального движения в современных государствах. Австро-Венгрия. Россия. Германия / Под ред. А.И. Кастелянского. СПб., 1910.

3 См.: Z. Lukawski, *Koło polskie w rosyjskiej Dume państwowej w latach 1906-1909* (Wrocław, 1967); E. Chmielewski, *The Polish Question in the Russian State Duma* (Knoxville, 1970); J.W. Gerus, "The Ukrainian Question in the Russian Dumas, 1906-1917: An Overview," *Studia Ukrainica* 2 (1984); Запрудник Я. Справа аўтаноміі Беларусі ў Першай Думе і «Наша Ніва» // 3 гісторыі на «Вы». Артыкулы, успаміны, дакументы. Мінск, 1994. С. 314-332.

4 См.: Darius Staliūnas, "Rinkimai į I Rusijos Dūmą Lietuvoje," *Lietuvos istorijos metraštis. 1992 metai* (Vilnius, 1994), pp. 45-66; Regina Laukaitytė, "Lietuviai valstybės Dūmoje," *Lietuvos Istorijos metraštis, 1992 metai* (Vilnius, 1994), pp. 31-44; Киян М.Ш. Депутаты от украинских губерний в Государственной думе Российской империи I и II созывов (1906-1907 гг.). Харьков, 1997; Забайські М.М., Пуцік У.С. Предстаўніцтва ад Беларусі ў Дзяржаўнай думе Расіі (1906-1917 гг.). Мінск, 1998; Озганбай О. Государственная дума России и Казахстан (1905-1917). Алма-Аты, 2000.

5 См.: Циунчук Р.А. Развитие политической жизни мусульманских народов Российской империи и деятельность мусульманской фракции в Государственной думе России 1906-1917 гг. // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века). М., 1997; Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906-1917 гг. Сб. документов и материалов / Сост. Л.А. Ямаева. Уфа, 1998; Усманова Д.М. Мусульманская фракция и проблема «свободы совести» в Государственной думе России (1906-1917). Казань, 1999.

6 См.: Братолобова М.В. Казачья проблема в Государственной думе России в начале XX в. // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. Краснодар, 2003. № 1-2; Братолобова М.В., Перехов Я.А. Казачий вопрос в I и II Государственных думах России // Казачий сборник. Ростов-на-Дону, 2002. Вып. 3; Карапетян Л.А. Кубанское казачество и Государственная дума четырех созывов начала XX в. // Кубанское казачество: три века историчес-

- кого пути. Материалы международной научно-практической конференции. Краснодар, 1996; *Галутво А.М.* Парламентская деятельность кубанских казаков: история и современность // Проблемы казачьего возрождения. Ростов-на-Дону, 1996.
- 7 См., напр.: *Зорин В.Ю., Кулешов С.В., Аманжолова Д.А.* Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законотворчества. М., 1999.
- 8 РГИА (Российский государственный исторический архив), ф. 1544, оп. 1, д. 16, л. 76.
- 9 Законодательные акты переходного времени (1904-1907 гг.). Изд. 2-е. СПб., 1907. С. 140, 153.
- 10 Материалы по учреждению Государственной думы. [СПб.,] 1905. С. 30.
- 11 Общественное движение в России в начале XX-го века. Т. IV. Кн. 7. Ч. 2. СПб., 1911. С. 1.
- 12 Подробнее см.: *Циунчук Р.А.* Имперское и национальное в думской модели российского парламентаризма // Kazan, Moscow, St.-Petersburg: Multiple Faces of the Russian Empire. Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. М., 1997. С. 87.
- 13 R. Wortman, *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*, Vol. 2 (Princeton, 2000), p. 402.
- 14 Цит. по: *Смирнов А.Ф.* Государственная дума Российской империи 1906-1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998. С. 207.
- 15 *Огородников Н.* Первый день // К 10-летию I-й Государственной думы. С. 53.
- 16 *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903-1919 гг. Кн. 1. М., 1992. С. 156. Здесь, впрочем, уместно указать на факты последующей деятельности этого депутата. Летом 1906 г. он выступил одним из организаторов Кронштадтского восстания, а в 1917 г. предлагал эсерам взять в заложники и убить большевистских вождей.
- 17 Цит. по: *Смирнов.* Государственная дума. С. 207.
- 18 *Извольский А.П.* Воспоминания. М., 1989. С. 60.
- 19 Цит. по: *Варшавский С.* Жизнь и труды первой Государственной думы. М., 1907. С. 8.
- 20 Там же. С. 10.
- 21 Гос. дума. Стенографич. отчеты. 1906 год. Созыв 1. Сессия первая. Т. I. СПб., 1906. С. 1.
- 22 Законодательные акты переходного времени. С. 7.
- 23 Первая государственная дума. Алфавитный список и подробные биографии и характеристики членов Государственной думы. М., 1906. С. 7.
- 24 Гос. дума. Стенографич. отчеты. 1906 год. Созыв 1. Сессия первая. Т. I. С. 5.
- 25 Своеобразным признанием парламентского опыта финляндского Сейма стало командирование в Гельсингфорс для обучения группы думских стенографистов. – См.: *Селунская Н.Б., Бородин А.И., Григорьева Ю.Г., Петров А.Н.* Становление российского парламентаризма начала XX века. М., 1996. С. 145.
- 26 Гос. дума. Стенографич. отчеты. 1906 год. Созыв 1. Сессия первая. Т. I. С. 1853.
- 27 Там же. С. 1855.
- 28 Там же. С. 1907-1908, 1941. Этими депутатами стали кадеты – профессор А.В. Васильев (конская губ.), адвокат Ф.И. Родичев (Тверская губ.), землец А.А. Свечин (Черниговская губ.), лидер партии демократических реформ профессор М.М. Ковалевский (Харьковская губ.), беспартийный, юрист М.Я. Острогорский (Гродненская губ.) и трудовик А.Ф. Алабын (Симбирская губ.).
- 29 Гос. дума. Стенографич. отчеты. 1906 год. Созыв 1. Сессия первая. Т. I. С. 5-6, 33, 252-253, 587.
- 30 Там же. С. 6.
- 31 Гос. дума. Стенографич. отчеты. 1906 год. Созыв 1. Сессия первая. Т. I. С. 6.
- 32 Там же. С. 7.
- 33 Там же. С. 9, 10, 33, 251-252.
- 34 Там же. С. 3, 9, 251-252, 587-588.
- 35 Там же. С. 37; РНБ (Российская национальная библиотека), ф. 1072, т. 15, л. 194; РГИА, ф. 1276, оп. 2. 1906, д. 9а, л. 31; ф. 1278, оп. 1. 1906. I созыв, д. 468, л. 3; *Рамишвили И.И.* Из тюрьмы в Государственную думу // К 10-летию I-й Государственной думы. С. 174-175; *Букейханов А.Н.* Выборы в Степном крае // К 10-летию I-й Государственной думы. С. 48.
- 36 Гос. дума. Стенографич. отчеты. 1906 год. Созыв 1. Сессия первая. Т. I. С. 21.
- 37 Там же. С. 10.
- 38 Там же. С. 28.
- 39 Там же. С. 29.
- 40 См.: Там же. Т. II. СПб., 1906. С. 1570.
- 41 Там же. Т. I. С. 31.
- 42 Цит. по: *Шаховской Д.* Виктор Петрович Обнинский // К 10-летию I-ой Государственной думы. С. 212-213.
- 43 *Бородин Н.* Личный состав первой Государственной думы, ее организация и статистические сведения о членах //

- Первая Государственная дума. Вып. I. Политическое значение Первой думы. С. 23-27.
- 44 Казбаненко В.А. Партийные фракции в I и II Государственных думах России. 1906-1907. М., 1996. С. 71.
- 45 Бородин. Личный состав первой Государственной думы. С. 33.
- 46 Он же. Государственная дума в цифрах. СПб., 1906. С. 39.
- 47 См.: Циунчук. Развитие политической жизни мусульманских народов. С. 188.
- 48 Мусульманская парламентская фракция. Б.м., б.г. С. 2.
- 49 Гос. дума. Стенографич. отчеты. 1906 год. Созыв 1. Сессия первая. Т. I. С. 43.
- 50 Там же. С. 51.
- 51 Там же.
- 52 Там же. С. 50.
- 53 Chmielewski, *The Polish Question*, p. 34.
- 54 Гос. дума. Стенографич. отчеты. 1906 год. Созыв 1. Сессия первая. Т. I. С. 102.
- 55 Извольский. Воспоминания. С. 73.
- 56 Гос. дума. Стенографич. отчеты. 1906 год. Созыв 1. Сессия первая. Т. I. С. 109.
- 57 Там же. С. 36.
- 58 Там же. С. 197.
- 59 Там же. С. 93.
- 60 Там же. С. 192.
- 61 Там же. С. 103.
- 62 Там же. С. 127.
- 63 Там же. С. 153.
- 64 Там же. С. 122.
- 65 Там же. С. 241.
- 66 Миллюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 246.
- 67 Гредескул. Национальный вопрос в первой Думе. С. 88.